

УДК 81

МЕТАФОРА И ПЕРСОНИФИКАЦИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ

С.Ю. Воскресенская

Тверской государственный университет, Тверь

В статье рассматривается проблема отношений метафоры и персонификации. Персонификация трактуется как самостоятельный троп, выражающий особое свойство психики и не связанный с метафорическим переносом. Анализируются случаи взаимодействия метафоры и персонификации в художественном тексте.

Ключевые слова: *метафора, персонификация, олицетворение, антропоцентризм, когнитивная лингвистика.*

В настоящее время растёт интерес к персонификации (олицетворению), причём не только в стилистике, но и в когнитивной науке. Всем исследователям приходится иметь дело с большим разбросом мнений по поводу определения самого термина «персонификация», наличием большого числа синонимов и различных подходов к этому явлению. И.М. Чеботарева замечает: «Олицетворение лишь в недавнее время стало рассматриваться лингвистами как самостоятельная, неадекватная метафоре категория» [1: 3]. При этом многие исследователи по-прежнему определяют персонификацию как подвид метафоры. Например, статья Н.А. Красавского и Е.М. Захаровой начинается с утверждения: «Как разновидность метафоры персонификация достаточно часто используется в художественных текстах» [5: 104]. Н.Н. Юрина в статье «Персонификация как средство метафорического моделирования» рассматривает персонификацию в том числе как фрактальную метафору [12: 163]. Е.В. Иванова тоже отправляет персонификацию в разряд метафор: «Подкатегорией онтологической метафоры является персонификация, которая заключается в наделении предметов и явлений природы свойствами живых существ, часто даже человеческими; способностью мыслить, чувствовать, говорить, антропоморфным обликом и т.д.» [2: 159]. В цитируемой работе персонификация природных катастроф рассматривается сквозь призму теории концептуальных метафор и описывается с помощью фреймов и слотов. Ю.П. Мурзин считает, что персонификация – «это универсальный метафорогенный механизм, имеющий языческие и религиозные корни. <...> Это не только типичный способ метафорического переноса, приводящий к возникновению новых значений слов, но и естественный способ осмысления действительности, имеющий под собой глубокие когнитивные основания» [6: 62].

Теория метафоры подробно разработана в когнитивной лингвистике, поэтому неудивительно, что исследователи применяют её и по отношению к персонификации. Необходимым условием метафорического переноса является нахождение общих признаков у двух денотатов. Но персонификация в чистом виде в отличие от метафоры не основывается на общем признаке – *tertium comparationis*. Чтобы одушевить неодушевленное, не нужно искать что-то общее у предмета и человека. Например, что общего у человека и шоколадного драже? Отсутствие общих признаков, тем не менее, не мешает олицетворять эти самые драже в рекламе M&Ms. Более того, если метафора предполагает поиск связи между денотатами, то персонификация склонна игнорировать существенные признаки денотатов. Только благодаря этой психической особенности в книгах и мультфильмах появ-

ляются говорящие звери, одетые в человеческую одежду, живущие в избушке, хотя в живой природе звери не говорят, не носят одежду, не живут в избушках.

Многие лингвисты, даже рассматривая персонификацию как вид метафоры, отмечали существенные семантические различия этих тропов. Е.В. Серебрякова отмечает: «Если в метафоре семантическое преобразование происходит в основном на уровне интенционала – ядра лексического значения слова, то в персонификации ядро практически не меняется, но при этом контекстуально расширяется за счёт появления новой гипосемы, противоречащей всем остальным признакам и сохраняющейся только в рамках данного контекста» [9: 10]. Подробно эти отличия были описаны С.К. Константиновой и Е.А. Некрасовой. Поэтому возникает вопрос, можно ли считать метафору основой персонификации. Можно ли утверждать, что персонификации возникают благодаря метафорическому мышлению?

Если метафора – это способ познания (а также «категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [1 [http](#)]), то персонификация в первую очередь – способ общения с миром. На диалогичность этого тропа указывает С.К. Константинова: «Внутренняя структура олицетворения насквозь диалогична. Даже если диалог не выражен эксплицитно, он с неизбежностью зреет в недрах приема олицетворения. К неодушевленному предмету невозможно обратиться без той или иной степени его персонификации» [4 [http](#)]. При этом вещь легко помыслить и как слушателя, и как говорящего. Одушевленные вещи часто выступают персонажами народных сказок и авторских произведений (например, в творчестве Ф. Кривина). Ярко это свойство персонификации проявляется в микроблогах, ведущихся от лица неодушевленных предметов:

«На волне популярности подобных проектов аккаунты стали появляться у предметов, попадавших в поле зрения СМИ: от бороды известного бейсболиста Брайана Уилсона до червя, обнаруженного губернатором Дмитрием Зелениным в тарелке на кремлевском приеме. Возникли и подчёркнуто абсурдные микроблоги. Так, бешеную популярность snискали твиттер курантов лондонского Биг-Бена и его российский аналог – кремлевские куранты. Страница же российского Камня в лесу, каждый день сообщающего, что «ничего не произошло», и вовсе стала именем нарицательным в отечественной публицистике» [3 [http](#)].

Многие исследователи в области культурологии выявляют связь персонификации с мифологическим мышлением. В ряде случаев можно успешно установить происхождение языковых выражений, содержащих персонификацию, от языческих обрядов и верований того или иного народа. Например, Р.И. Сефербеков реконструирует образ «Матери ветров», анализируя мифологические сюжеты сказок, фразеологические обороты, тексты обрядовых песен. Исследователь делает вывод, что «персонификация одной из стихийных сил природы – ветра в зооморфной и антропоморфной ипостасях сложилась у народов нагорного и равнинного Дагестана в глубокой древности, в эпоху первобытного общества с его культом природы» [10: 104].

Однако легкость, с которой человеческий разум способен оживить любой предмет, любое явление или абстрактное понятие заставляет предположить, что персонификация – это не только отголосок древних верований. Предположим, что персонификация выражает одно из базовых свойств человеческой психики.

Косвенным образом об этом свойстве психики может свидетельствовать феномен парейдолии:

«Парейдолические иллюзии, или парейдолии – это иллюзорное восприятие реального объекта. В отличие от двойственных изображений, иллюзий восприятия глубины, картинок на распознавание образов, где изображения созданы специально, чтобы провоцировать возникновение иллюзий, парейдолии возникают при восприятии самых обычных объектов. Например, при рассматривании рисунка обоев или ковра, трещин и пятен на потолке, облаков можно увидеть изменчивые, фантастические пейзажи, лица людей, необычных зверей и т.п.» [7 [http](#)].

На научно-популярном сайте BBC Future есть интересный обзор исследований парейдолии. Выдвигаются различные объяснения этого феномена:

«Не исключено также, что у нашей склонности видеть лица есть и более глубинное эволюционное объяснение. Выживание человека очень сильно зависит от окружающих людей: мы просим у них помощи или опасаемся их агрессии, и поэтому нам нужно быстро понимать их мотивы и соответствующим образом реагировать. Вероятно, мозг изначально настроен распознавать людей при первой же возможности. Ошибиться и увидеть черты лица в древесной коре куда менее опасно, чем проглядеть скрывающегося в кустах злоумышленника. Другие учёные также предполагают, что похожий механизм может лежать в основе человеческой духовности. Эта гипотеза исходит из того, что наш мозг, предрасположенный понимать людей и их мотивацию, пытается усмотреть человеческие намерения во всём, что нас окружает – в грозе, чуме или в пугающей и абстрактной концепции смерти. Чтобы разобраться со своими страхами, мы начинаем их персонифицировать, населяя мир богами и демонами» [8 [http](#)].

Таким образом, персонификация существенно отличается от метафоры. Другое дело, что в художественном тексте персонификация часто является оправданной точкой для метафоры, вступая с ней в синтез. Сравним два примера:

- (1) *Небывалая осень построила купол высокий* (А.А. Ахматова)
- (2) *И Осень тихую вдовой
Вступает в нестрый терем свой.* (И. А. Бунин)

В обоих примерах осень выступает в человеческом облике. В стихотворении А.А. Ахматовой осень – строитель, архитектор. Между временем года и человеческой профессией не обнаруживается какого-либо сходства, нет основания для метафоры. Следовательно, мы имеем дело с персонификацией в чистом виде. У И.А. Бунина осень – печальная вдова. Примечательно, что осень принимает женский образ, что можно объяснить переосмыслением грамматического рода. В этом случае можно говорить о грамматическом олицетворении (если использовать термин Я.И. Гина). В то же время в образ включается и метафорический компонент, так как можно представить следующую смысловую цепочку: осень – вдова, потому что вдова грустит и тоскует по утраченному счастью, а дождливая осенняя погода часто навеивает грусть и тоску по прошедшему лету. Некоторые исследователи говорят в таких случаях о «метафорическом олицетворении», другие предлагают термин «олицетворяющая метафора». Так, С.К. Константинова различает собственно олицетворение и олицетворяющую метафору. И.М. Чеботарева указывает, что «существуют лингвистические способы выражения олицетворения (обращение, прямая речь), при использовании которых метафоры не возникает. В целом ряде случаев, однако, провести чёткую границу между олицетворением и метафорой бывает нелегко, а подчас и невозможно» [11: 6].

Часто образ, заданный персонификацией, обрастает метафорами по мере своего развития в тексте. Например, в стихотворении И.С. Никитина «Встреча

зимы» зима принимает женский образ благодаря обращению «Здравствуй, гостья-зима!». Далее образ конкретизируется с помощью метафор: «песни Севера петь» – метафора вьюги, «Строй мосты по рекам / И ковры расстилай», «Рассыпай же, зима, / До весны золотой / Серебро по полям» – метафоры мороза и снега, благодаря которым зима получает образ щедрой богатой хозяйки и волшебницы.

Таким образом, персонификацию, в принципе, нецелесообразно рассматривать как вид метафоры, так как семантические различия между ними очевидны. При этом персонификация может взаимодействовать с метафорой (особенно в художественном тексте), причем выявить иерархию их отношений в этих случаях зачастую представляется невозможным. Для случаев такого взаимодействия ещё нет устоявшейся терминологии. Как правило, именно эти случаи и рассматриваются в когнитивной лингвистике с позиций теории метафоры, что иногда приводит к путанице в терминологии.

Список литературы

1. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-07.htm> (дата обращения 07.02.2016).
2. Иванова Е.В. Персонификация природы в медийном дискурсе // Политическая лингвистика. 2010. №1 С. 159–162.
3. Клишин И., Савинов К. Топ-10: Твиттеры неодушевленных предметов [Электронный ресурс]. URL: http://w-o-s.ru/article/Top-10_twitter_neodushevlennyh_predmetov (дата обращения 07.02.2016).
4. Константинова С.К. Олицетворение в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Белгород, 1996. 223 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/184472.html> (дата обращения 07.02.2016).
5. Красавский Н.А., Захарова Е.М. Персонификация как средство описания и экспликации концептов «мудрость», «любовь», «радость», «душа» в романе Германа Гессе «Сиддхартха. Индийская поэма» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 104–107. [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/26.html (дата обращения 07.02.2016).
6. Мурзин Ю.П. Макрополе метафорических моделей «живое», профилирующих концепт «guegga» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2010. № 14. С. 58–69.
7. Парейдолические иллюзии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psy.msu.ru/illusion/pareidolia.html> (дата обращения 13.02.2016).
8. Робсон Д. Почему мы видим лица у неодушевленных предметов? [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/russian/science/2015/12/151208_vert_fut_why_we_see_faces (дата обращения 13.02.2016).
9. Серебрякова Е.В. Персонификация как приём иносказания (на материале немецкоязычного художественного текста): автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Серебрякова Е.В.; Московский педагогический гос. ун-т. Москва, 2010. 26 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/personifikatsiya-kakpriyom-inoskazaniya> (дата обращения 10.02.2016).
10. Сефербеков Р.И. О персонификации ветра у народов Дагестана // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2005. № 3. С. 102–106.
11. Чеботарева И.М. Олицетворение в детской речи: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Чеботарева И.М.; Белгородский государственный педагогический университет им. М.С. Ольминского. Белгород, 1996. 16 с. [Электронный ресурс].

URL: <http://cheloveknauka.com/olitsetvorenje-v-detskoj-rechi> (дата обращения 07.02.2016).

12. Юрина Н.Н. Персонификация как средство метафорического моделирования // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 5–2. С. 162–164.

METAPHOR AND PERSONIFICATION: CONCERNING THEIR RELATIONSHIP

S.Y. Voskresenskaya

Tver State University, Tver

The article addresses the relationship between metaphor and personification. Personification is referred to as a separate trope representing a special state of mind and not related to metaphoric transfer. The paper looks into a number of cases where metaphor and personification are interrelated in literary texts.

Keywords: *metaphor, personification, personalization, anthropocentrism, cognitive linguistics.*

Об авторе:

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Светлана Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка Тверского государственного университета, e-mail: lesefuchs@mail.ru